

А.А. Бурыкин, В.А. Попов

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА И СВОЙСТВА НИВХОВ

Среди малочисленных этносов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока нивхи занимают особое место по целому ряду причин. Во-первых, этот этнос считается генетически изолированным, и ни одна из высказанных насчет его происхождения гипотез не является общепризнанной. Во-вторых, ареальные связи нивхского языка и этнокультурные контакты нивхов, хотя и привлекали к себе внимание, но остаются пока вне детализации и вне хронологической структурированности. В-третьих, дифференцированность нивхского языка на амурский (АМ), восточносахалинский (ВС) и северносахалинский, или шмидтовский (СС), диалекты дает основания для осуществления внутренней реконструкции архаического состояния нивхского языка, если таковое будет необходимым, — мы делаем данную оговорку только для тех, кто считает нашу точку зрения на происхождение и генетические связи нивхов и нивхского языка не слишком убедительно обоснованной или не вписывающейся в какие-то схемы.

Настоящая статья представляет опыт описания СТР нивхов на основе материала, извлеченного из русско-нивхского и нивхско-русского словарей [Савельева, Таксами 1965; 1970; Таксами 1983], а также специальной литературы [Штернберг 1893; 1905; 1933], которая, как оказалось, во многом также служит источником данных по ТР для словарей вместе с интерпретирующими характеристиками. Основная цель нашей работы сводится к тому, чтобы показать состав номенклатуры родства нивхов, многозначность отдельных нивхских ТР и в общих чертах определить наиболее характерные признаки СТР нивхов, с тем чтобы создать возможность для сопоставительного и сравнительно-исторического описания СТР нивхов и СТР тунгусо-маньчжурских народов — эвенков, ороков, улчей, нанайцев. Как обычно, в лингвистических описаниях такой группы слов, как ТР, имеется и некоторый чисто практический смысл, поскольку полная и семантически адекватная разработка ТР весьма важна для обучения нивхской лексике в дошкольных учреждениях, школах и иных учебных заведениях, если учиты-

вать то обстоятельство, что в учебных пособиях по языкам народов Севера даже такие группы лексики, как ТР, зачастую приводятся в неполном составе или с неточностями в значениях.

Изучение нивхской СТР теснейшим образом связано и с важнейшими проблемами этногенеза и этнической истории нивхов, в том числе в этнолингвистическом отношении, т.е. с языковыми контактами нивхов, их последствиями для языка и этнической культуры, в теоретическом плане — с более общей проблемой проницаемости СТР для лексических заимствований. Вместе с этими проблемами лингвистики и этнографии, сложность и разносторонняя значимость которых не нуждается в обоснованиях, данная работа имеет прямое отношение еще к одной теме — к истории лексического состава нивхского языка как языка, генетическая принадлежность которого является спорной. То, что нивхский язык считается генетически изолированным, можно прочесть в любой справочной статье об этом языке. Е.А. Крейнович, занимавшийся языками, которые и теперь часто считаются изолятами — нивхским, юкагирским и кетским, — опубликовал работу о связях нивхского и тунгусо-маньчжурских языков и посчитал все лексические сходства между этими языками результатом заимствования этих слов из тунгусо-маньчжурских языков в нивхский [Крейнович 1955]. Работы в этом направлении продолжил А.М. Певнов, уточнивший и дополнивший наблюдения Е.А. Крейновича и едва ли не впервые отметивший факты нивхских заимствований в тунгусо-маньчжурских языках [Певнов 1992].

Несколько опережая изложение, отметим, что ценные и актуальные даже сегодня материалы, собранные Е.А. Крейновичем (в частности, им зафиксированы слова, не включенные в современные словари нивхского языка), на самом деле распадутся на 4 группы: 1) лексика, которая может быть общей для нивхского и тунгусо-маньчжурских языков (эта группа в количественном отношении может вырасти в объеме за счет более углубленного анализа праформ нивхских слов); 2) заимствования из отдельных тунгусо-маньчжурских языков в нивхский язык и его диалекты; 3) заимствования из нивхского в отдельные тунгусо-маньчжурские языки; 4) культурная лексика маньчжурского, монгольского, китайского происхождения, заимствованная нивхским языком при посредстве тунгусо-маньчжурских языков.

Материалы, собранные Е.А. Крейновичем, побудили лингвистов задуматься о характере связей нивхского и алтайских языков, в частности, о том, что между нивхским и алтайскими языками возможно генетическое родство. Точка зрения, согласно которой нивхский язык может входить в алтайскую семью, была высказана Т.А. Бертагаевым и В.З. Панфиловым [Панфилов 1973], к ней достаточно сочувственно отнеслась В.И. Цинциус, привлекавшая нивхский материал для своих исследований в области сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков [Цинциус 1972] и опубликовавшая работы о характере связей нивхского и тунгусо-маньчжурских языков [Цинциус 1974; 1983; 1984]. Ряд сопоставлений ТР нивхов и ТР тунгусо-маньчжурских народов отражен в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» [ССТМЯ].

С середины 1980-х гг. один из авторов настоящей работы ведет исследования истории нивхской лексики, реконструкции архаического состояния нивхского языка по данным диалектов и фактов заимствований и генетических связей нивхского языка, основанных на сравнении нивхской реконструкции и реконструкции состояния отдельных групп алтайских языков, прежде всего тунгусо-маньчжурских [Бурыкин 1987б; 1988; 1989]. Одна из последних работ на эту тему, посвященная названиям металлов в нивхском языке, позволила показать корректность той реконструкции, которая сближает нивхский язык с тунгусо-маньчжурскими языками, при том, что все названия металлов в нивхском языке и даже название кремня, вопреки Е.А. Крейновичу, являются разновременными заимствованиями, пришедшими в нивхский язык из разных источников — языков континентальной Восточной Азии и языков Крайнего Северо-Востока [Бурыкин 2005].

Эта точка зрения позволила вспомнить одну ремарку М.Г. Левина, отметившего, что по данным антропологии и этнографии, нивхи могут рассматриваться как промежуточное звено между тунгусо-маньчжурами и айнами, но, по его мнению, этому категорически препятствуют данные языка [Левин 1958: 251–252]. Однако, как нам представляется, данные языка не только не препятствуют такому размещению нивхов на этнической карте Восточной Азии, но и прямо указывают на это, притом что айнские лексические заимствования в этом языке вплоть до настоящего времени не были выявлены ни отечественными, ни за-

рубежными учеными. Между тем анализ айнско-нивхских лексических параллелей показывает с очевидностью, что айнский язык не только повлиял на нивхский, но и привнес в него те черты, которые казались исследователям эксклюзивными: чередования начальных согласных, префиксы в морфологии, а также некоторые морфологические показатели (префикс взаимности *в-*, показатель намерения действия *йыкы-*), а та лексика, которая считалась собственно нивхской, на фоне большого количества нивхско-тунгусо-маньчжурских и нивхско-алтайских параллелей, различающихся в современных языках и нивхских диалектах по форме, надежно отождествляются как айнские вкрапления, с единичными предположительными культурными терминами с обратным направлением заимствования (например, название шаманского бубна: нивх. *к'ас* и айн. *качо*).

Е.А. Крейнович в одной из своих статей [1979] обсуждал вопрос о лексических связях нивхского языка с чукотско-камчатскими. В настоящее время проблемой соотнесенности нивхского языка с палеоазиатскими, а именно с юкагирским и чукотско-камчатскими языками, активно занимается О.А. Мудрак [2000], получивший довольно интересные результаты, объективно проливающие свет на этимологии многих нивхских слов, не имевших тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских параллелей. Хотя, если говорить о характере сходжений, эти факты похожи на какие-то заимствования в нивхский язык из палеоазиатских, а также отчасти из уральских языков. Точка зрения корейского лингвиста Канг Кир Уна, предпринявшего в 1980-е гг. фронтальную попытку сравнения лексики нивхского и корейского языков, судя по всему, не нашла поддержки.

История изучения СТР нивхов весьма интересна тем, что описание СР и СТР нивхов получило исключительный резонанс в этнографической науке и истории первобытного общества. СР нивхов (гиляков) и особенности ее СТР были описаны Л.Я. Штернбергом в статье «Сахалинские гиляки» [Штернберг 1893]. Позже материалы по СТР нивхов публиковались им еще как минимум трижды [Штернберг 1905; 1933; 1935]. Вот что писал Л.Я. Штернберг (данная работа 1905 г. практически повторяет статью 1893 года, указанную выше): «Из всех особенностей гиляцкого быта ничто так характерно не выделяет гиляков среди окружающих их народностей, как классификаторская СР и правила, регулирующие половые отношения и брак.

В этом отношении гиляки стоят одинаково далеко от своих южных соседей айнов, так и от окружающих их тунгусских племен. Айны — единственная народность Приамурского края, у которой сохранились черты матернитета. Гиляцкая же семья и род — чисто патриархальные учреждения. Что касается тунгусских племен, то и у них открыта мной классификаторская СР и черты группового брака, аналогичные с открытыми мною же в 1891 г. у гиляков, но внимательное сравнение этого института у тунгусских племен и у гиляков приводит к заключению, что они принадлежат к совершенно различным периодам эволюции брака и хотя они могли влиять друг на друга, но в основе своей принадлежат, выражаясь языком геологии, к различным формациям. <...>

Прежде всего вас поражает странная родственная номенклатура. Целая группа женщин зовет целую группу мужчин своими мужьями (*ну, шин*), и эти последние зовут их своими женами (*ангей* — Штернбергом приводится вокативная форма. — *А.Б., В.П.*). Точно так же целая группа мужчин зовет группу женщин своими матерями (*ымк*), и группу мужчин — своими отцами (*ытк*), а эти — первых своими детьми.

В частности, как и у многих других первобытных людей, гиляк зовет своей женой (*ангей*) не только свою собственную жену, но и жен своих старших братьев всех степеней родства, а также и всех сестёр своей жены всех степеней родства, а они, в свою очередь, зовут его своим мужем (*ну, шин*). Дети их зовут друг друга братьями и сестрами (*тувн, руф*). Сверх того, гиляк зовет своими женами уже от рождения всех кузин по матери (дочерей братьев своей родной матери и братьев всех женщин, которых он зовет *ымк* — мать). Матерью (*ымк*) гиляк зовет не только свою родную мать, но и всех жен братьев своего отца, родных и агнатных, а также и сестёр этих женщин, а они зовут его своим сыном. Соответственно этому он называет своим отцом (*ытк*) не только своего родного отца, но и братьев отца, причем у некоторых родов термин “отец” прилагается ко всем старшим и младшим братьям (родным и агнатным) отца, у других (у большей части сахалинских гиляков) — только к братьям младшим отца. Дети братьев по отношению к последним считаются сыновьями и дочерьми. Еще страннее является то правило, по которому женщины называют сестрами жен братьев мужа, а мужчины — матерями сестёр тестя... <...>

Вопреки высказанным в недавнее время мнениям, что классификационная СР представляет собою одну только номенклатуру возрастов, я могу засвидетельствовать после долгих годов наблюдений, что у гиляков номенклатура эта, основанная на строгом исчислении степеней родства, *вполне соответствует* нормам полового общения. <...> Все лица, связанные между собою званием *ангей* и *пу* (муж и жена), действительно имеют супружеские права друг на друга, т.е. не только имеют право вступать между собою в регулярные браки или иметь половое общение до вступления в регулярный брак, но сохраняют права на половое общение и тогда, когда лица этих категорий состоят уже в индивидуальном браке. Состоя в законном, так сказать, индивидуальном браке, жена в то же время пользуется правом негласно, т.е. в отсутствие мужа, иметь общение с лицами из группы мужчин, которых она зовет *пу*, *ин* (муж). Чаще всего, конечно, пользуются этим правом братья ее мужа, родные или более отдаленных степеней родства, живущие с ним в одной деревне; но и пришлые мужчины, часто совершенно незнакомые, случайно проехавшие через селение, если считают себя хотя бы по самому отдаленному родству “пу” данной женщины, свободно пользуются этим правом, разумеется, с согласия женщины. Во время моих путешествий по Сахалину мои спутники с западного берега, явившись вместе со мной в отдаленное селение на восточном берегу, в котором ни они, ни их отцы никогда не бывали, но в котором, по генеалогическим их сведениям, проживала женщина категории *ангей*, свободно осуществляли свои права, разумеется, когда мужа в юрте не было. Это явление совершенно тождественно с тем, что рассказывают об австралийских кроках и кумитах» [Штернберг 1905: 22–23].

Сообщение о результатах полевых исследований Л.Я. Штернберга подвигло Ф. Энгельса написать в 1893 г. специальную статью (как известно, Ф. Энгельс именно в это время много занимался вопросами происхождения и эволюции семьи и брака и проблемами преемственности СР). Приведем небольшую выдержку из этой статьи Ф. Энгельса: «За последнее время у некоторых рационалистских этнографов вошло в моду отрицать существование группового брака; в связи с этим представляет интерес нижеследующий отчет, который я перевожу из московской газеты “*Russkija Vjedomosti*” (“Русские ведомости”) от 14 октября 1892 г. старого стиля. В нем не только определенно

устанавливается наличие действующего с полной силой обычной группового брака, т.е. права группы мужчин и группы женщин вступать между собой в половые отношения, но и такой его формы, которая тесно примыкает к пуналуальному браку у гавайцев, т.е. к наиболее развитой и классической ступени группового брака. В то время как типичная пуналуальная семья состоит из ряда братьев (единоутробных или более отдаленных степеней родства), которые находятся в брачных отношениях с рядом единоутробных или находящихся в более отдаленных степенях родства сестёр, — в данном случае, на острове Сахалине, мы видим, что мужчина состоит в брачных отношениях со всеми женами своих братьев и со всеми сестрами своей жены, иначе говоря, если рассматривать это явление с женской стороны, его жена имеет право вступать в половые связи с братьями мужа и с мужьями своих сестёр. Отличие от типичной формы пуналуального брака состоит, следовательно, только в том, что братья мужа и мужья сестёр — это не обязательно одни и те же лица» [Энгельс 1969: 377–378].

Влияние трудов и идей Л.Я. Штернберга, посвященных СТР и СР нивхов, оказалось столь значительным, что характеристики значений нивхских ТР, данные им как описание «классов» внутри СР, оказались включенными в словари нивхского языка, которые по какой-то странной причине увидели свет только в 1960-е гг. [Савельева, Таксами 1965; 1970; Таксами 1983]. Они же получили известность благодаря продолжению этнографического изучения СР нивхов в традиционном ключе [Крейнович 1973а; 1973б]. К сожалению, эти словари и глоссарии даже сейчас остаются единственными доступными источниками нивхской лексики. Учебные издания и словари нивхского языка оказывают исследователю помощь только в том плане, что некоторые из таких словарей или пособий по нивхскому языку, подготовленные добросовестными и хорошо знающими свой предмет авторами, содержат лексические единицы, не учтенные другими словарными изданиями [Пухта 2002], а новая волна пособий по нивхскому языку, как и большая часть разнообразных тематических и учебных словарей и разговорников [Санги, Гашилова 2002]), оказывается, по существу, бесполезными и представляет собой компиляции из предшествующих словарей. Несколько ранее нивхские ТР и СР рассматривались в работах Р. Аустерлитца [Austerlitz 1956: 264, 267] и Л. Блэк

[Black 1972], позднее — Е.А. Крейновичем [Крейнович 1973а; 1973б].

Переходим к рассмотрению конкретного материала.

Термины родства

Атак, ВС *атькитъх*, *атк* — ‘дед, отец отца или матери’, ‘прадед, отец деда или бабушки’, ‘старший брат отца’, ‘старший брат мужа’, ‘группа лиц мужского пола, находящаяся в различных родственных отношениях, братья дедов и прадедов с отцовской и материнской стороны, отцы, деды, прадеды мужей сестёр матери, отцы, деды прадеды (и их братья) мужей сестёр тестя’ [НРС: 36–37]: вок. *ата* [Пухта 2002: 9].

Пила ытык — ‘большой (старший) отец’ [Пухта 2002: 7].

Битик, ВС *аттик*, *ачк*, *ач’им* — ‘бабушка, мать отца или матери’, ‘прабабка, мать деда или бабушки’, ‘все сестры бабушки и прабабушки с отцовской и материнской стороны’, ‘жены братьев матери и их сестры’, ‘жены отцов, дедов и прадедов братьев матери’, ‘жены сыновей братьев матери’, ‘мать, бабушка и прабабушка сестёр жены’ [НРС: 466]; ‘бабушка’, ‘жена брата матери’, ‘тёща’ [Пухта 2002: 7], ВС *ачмам* — ‘бабушка’ [Отаина 1976: 167].

Бтика, *ач’има* — ‘бабушка’, ‘тёща’ (обращение) [НРС: 466].

Пила ымык — ‘большая (старшая) мама’ [Пухта 2002: 7].

Бтык, ВС *ытк* — ‘отец’, ‘все братья отца’, ‘мужья всех сестёр матери’, ‘братья мужа сестры матери’, ‘мужья сестёр’, ‘братья мужей сестёр’, ‘тести’, Ср. т.-ман. *этки* — ‘отец жены’, ‘старший брат жены’ [Штернберг 1933: 133; Панфилов 1973: 10; Цинциус 1983: 95].

Ота — ‘отец’ [Штернберг 1933: 133] — с пометой «редк.».

Пила ытык — ‘старший брат отца’, *матьки ытык* — ‘младший брат отца’ [НРС: 466–467].

Матька ытык, *матька ыты* — ‘маленький отец (младший брат отца)’ [Пухта 2002: 9].

Эр — вок. ‘папа, отец’ [Пухта 2002: 11].

Бмык, ВС *ыmk* — ‘мать’, ‘жены всех братьев отца’, ‘сёстры жен братьев отца’, ‘сёстры матери’, ‘сёстры тестя’. Ср.: маньчж. *эмэ* — ‘мать’, монг. *эмэ* — ‘женщина’, кор. *ми* — ‘мать’ [Цинциус 1983: 95].

Ома — ‘мать’ [Штернберг 1933: 133] — с пометой «редк.».

Пила ымык — ‘старшая сестра матери’.

Матьки ымык — ‘младшая сестра матери’ [НРС: 164], вок. *БЛмык* (официально), *ир* (в быту) [Пухта 2002: 9].

Бкын, ВС *акад*, *аканд* — ‘старший брат’ [НРС: 463; Штернберг 1933: 132–133] — вок. *ык* [Пухта 2002: 9]. Ср.: эвенк. и др. т.-ма. *акин* — ‘старший брат’ [Крейнович 1955: 158; Панфилов 1973: 10; Цинциус 1983: 95].

Бкын, *ык* — ‘старший брат’, ‘старшие сыновья братьев отца рода’ [Пухта 2002: 12].

Рув — ‘брат’, ‘сестра’ [Пухта 2002: 8]; *рув*, ВС *рувинг* — ‘единокровные и родные братья, сёстры, дети братьев и сестёр’; *тув*. ВС *тувинг* — ‘братья и сёстры всех степеней родства’; ср. нан. *тува* — ‘дети сестёр’ [Крейнович 1955: 158; Панфилов 1973: 10]; ср. также сомнительное сравнение этого слова с чукот. *тумгытум* — ‘товарищ’ [Крейнович 1979: 199].

Рув ускр, *халнгаз рув* — ‘родной брат’ [Пухта 2002: 11].

К’иу — ‘брат’ (устар.) [Пухта 2002: 7].

Тонгр — ‘близнецы’.

Рандр ускр, *халнгаз рандр* (*ранр* НРС: 304) — ‘родная сестра’ [Пухта 2002: 11].

Рандр — ‘сестра’ [Пухта 2002: 12].

Нанак, *нана* — ‘старшая сестра’, ‘сестра отца’, ‘свекровь’ [Пухта 2002: 12].

Нанак, ВС *нанх* — ‘старшая сестра’ [НРС: 205], вок. *нана* [Пухта 2002: 9].

Ытык нанак, *ымык нанак* — ‘тётка’ [НРС].

Аттик, *аск* (устар.) — ‘младший брат, младшая сестра’ [Пухта 2002: 9], вок. *аттика* [Пухта 2002: 9], *атя* — ‘ласковое обращение к младшему брату, сестре’ [Пухта 2002: 9].

Атик, ВС *аскад*, *аск*, *анд* — ‘младший брат’ [НРС: 37].

Оһ,ла, ВС *эһ”лнг* — ‘ребенок’, ‘сын’. Ср. др.-тюрк. *ogul*, *oglan* — ‘ребенок’ [Штернберг 1933: 133; Панфилов 1973: 10; Цинциус 1983: 94].

Уткуоһ,ла, ВС *азмытэһ,лн”* — ‘сын’.

Умгуоһ,ла, ВС *риан”к”эһ,лн”* — ‘дочь’ [НРС: 394].

Ола — ‘внук, внучка’ [Пухта 2002: 8].

Апак — ‘дядя’ [НРС: 34; РНС: 137]; *апак* — ‘тесть’, *ахмалк”* ВС *ахмалн”* — ‘тесть по отношению к одномуородичу и всему роду’; *ап*, *апп* — ‘тесть’, ‘брат матери’ [Штернберг 1933: 133].

Атак — ‘дядя, брат матери’ [Пухта 2002: 8].

Рувгу уткуогла — ‘племянник’.

Рувгу умгуогла — ‘племянница’.

Н’енг ВС — ‘дочь сестры’: ср.: маньчж. *нонь* — ‘младшая сестра — родная и двоюродная’ [Крейнович 1955: 161].

Рувгу — ‘двоюродный — о брате и сестре’; *Рув*, *тув*, ВС *Рувн”* — ‘единокровные или родные братья и сёстры’, ‘дети братьев всех степеней родства’, ‘дети сестёр всех степеней родства’ [НРС: 311].

Из приведенных примеров видно, что круг значений терминов, относящихся к предкам эго в +2 и +1 поколении, исключительно широк, и в их число входят даже обозначения родственников по браку, но при этом отношения родства по восходящей линии и родство по нисходящей линии по признаку поколения распространяются на два поколения по восходящей и на одно — по нисходящей линии, в последнем случае — с оговорками.

82

Для СТР нивхов характерно неразличение по полу младших сиблингов эго, что характерно также для СТР ряда тунгусо-маньчжурских (эвенки, эвены, удэгейцы, маньчжуры) и монгольских народов.

Интересной особенностью СТР нивхов является отсутствие самостоятельной лексемы для обозначения потомка эго, т.к. термин *охла*, ВС *эһлн*” имеет значение «дитя, ребенок», и история его появления в нивхском языке с учетом лежащих на поверхности сопоставлений выглядит не вполне понятной. Названия для сына и дочери образуются от данного слова с помощью гендерных идентификаторов *утку*, ВС *азмыть* для мужского пола, *умгу*, *риан’к*” — для женского пола. По той же модели, но с дополнительным элементом, маркером второй степени родства, самостоятельно означающих потомков сиблингов, т.е. двоюродных братьев и сестёр *рувгу* (форма мн.ч. от *рув*, ВС *рувн*), образуются названия для потомков сиблингов эго.

Термины для внуков и внучек в нивхской СТР отсутствуют, а форма *ола*, отмеченная М.Н. Пухтой, — это слово со значением «ребенок» на амурском диалекте.

Что касается собственно СР нивхов, то она в основных чертах сходна с тем, что в реликтовой форме отмечается у тунгусо-маньчжурских народов, в частности у эвенков. Так, Г.М. Василевич писала: «Термины *амингилви*, *амтынгилви*, *энингилви*, *энтынгилви*, так же как *хутэнгилви* (дети), употребляемые в песнях и шаманских песнопениях, были неправильно переведены Рычковым как “матери”, “отцы” с соответствующим объяснением (“группа мужчин зовет группу женщин своими материями, а группу мужчин — своими отцами”). А.Ф. Анисимов перенес это объяснение в свою работу... в целях доказательства, что в разные периоды у эвенков существовали группы жен и группы мужей. Но эти термины имеют суффикс отчуждаемой принадлежности (*-нги*), который подчеркивает не прямое родство (*энтылви* — “мои матери”, “родители”, *амтылви* — “мои отцы”, “родители”), а более отдаленное, более широкое: *амтынгилви* — “предки”, “прадеды”, но не “отцы”» [Василевич 1969: 144, прим. 2]. Далее Г.М. Василевич отмечает: «Родственная терминология определяла право на половые связи, что свидетельствовало о существовании в прошлом брачных групп. Говорящий имел брачные права на всех женщин, которые по отношению к нему были *угив*, и не имел права на женщин, кото-

рые по отношению к нему были *кужинми*. Эти права разрешали мужчинам жениться на вдовах старших родственников и наоборот — женщинам выходить замуж за младших по возрасту вдовцов» [Василевич 1969: 148].

По имеющимся в нашем распоряжении фольклорным материалам, у эвенов различение терминов *уги* «жена старшего брата» и *кокэн* «жена сына, жена младшего брата», гомогенных с соответствующими эвенкийскими ТР, свидетельствует о бытовании аналогичных норм у эвенов — норм, дававших младшим братьям право на связи с женами старших братьев, но запрещавших связи старших братьев с женами младших братьев.

Термины свойства

Утку, ВС *азмыть* — ‘мужчина’ [НРС: 397], *утку* — ‘мужчина’ [РНС].

П’утку — ‘муж’.

Вутку — ‘ее муж’ [Пухта 2002: 8].

Пу — ‘муж’ (устар.) [Пухта 2002: 10].

Иви, СС. — ‘муж’ [Пейрос, Старостин 1986: 214], *иин* — ‘муж’ [Штернберг, см. в цитатах выше].

Умгу, ВС *ршан”к”* — ‘женщина’, ‘жена’ [НРС: 393] *нюмгу* — (‘моя женщина’) ‘жена’ [РНС: 140].

Вумгу — ‘его жена’.

Ср. корейск. *анхэ* — ‘жена’ [Крейнович 1955: 136].

Ок”он — ‘зять’; *ок”он*, *ымһ,и* [НРС: 243, 464] — ‘зять по отношению к отдельному сородичу и всему роду’.

Оро — ‘зять’ в цитатах: у меня два зятя — *Ни оро мен* [Пухта 2002: 12].

Умгу ыкын — ‘шурин — старший брат жены’ [РНС: 462].

Умгу аттик — ‘шурин — младший брат жены’ [РНС: 462].

Амр, ВС *ёх*, — ‘жена младшего брата’ [НРС: 32], *ёхо* [РНС: 233] — ‘невестка’; ср.: маньчж. *аму* — ‘жена старшего брата’ [Крейнович 1955: 158]; маньчж. *ухэн* — ‘жена младшего брата’, *окэ* — ‘жена младшего брата отца’ [Крейнович 1955: 160].

Эмр — ‘невестка’ [Пухта 2002: 10].

Ивы (иву) — ‘жена брата’ [Штернберг 1933: 133, 140].

Апак — ‘тесть, отец жены’ [РНС: 420].

Эдр — ‘тесть’ [Штернберг 1933: 133]; ср. нан. *эди* — ‘муж’ [Штернберг 1933: 133].

Ахмалк”, ВС *ахмалн”* — ‘тесть по отношению к одному сородичу и всему роду’ [НРС: 38], ср. ульч., нан., маньчж. *амха* — ‘тесть’ [Крейнович 1955: 158]; *ап*, *анп* — ‘тесть’, ‘брат матери’ [Штернберг 1933: 133].

Атк — ‘отец жены’ [Штернберг 1933: 13], ср. АМ *атак* — ‘отец мужа’ [Крейнович 1973а: 470].

Умгу ымык — ‘тёща, мать жены’ [НРС: 38].

Ачк. — ‘мать жены’ [Штернберг 1933: 133].

Утку ытык — ‘свёкор’ [НРС: 380].

Нанак, нана — ‘свекровь’, ‘старшая сестра’, ‘сестра отца’ [Пухта 2002: 12].

В подсистеме терминов свойства отмечается отсутствие каких-либо специальных терминов для супруга и супруги, в этой функции используются слова *мужчина* и *женщина* в притяжательной форме, причем такая ситуация характерна для основных диалектов нивхского языка, лексика которых в сколько-нибудь значительной степени документирована словарями (для северосахалинского, или шмидтовского, диалекта мы не располагаем сколько-нибудь объемным словарным материалом). При странных лексических различиях в номинациях мужчины и женщины и в амурском, и в восточносахалинском диалектах наблюдается параллелизм значений «мужчина/муж», «женщина/жена».

Семантика терминов, обозначающих брачного партнера по-толка, не вполне ясна. Мы наблюдаем различие обозначений *ок* ‘он’, *ымһ*, и *оро* ‘зять», притом что мужа сестёр относились к категории *ытык*, ВС *ытк* (см. выше), для жены младшего брата термин зафиксирован, но для жен сыновей и старших братьев наименований словари не дают. При наличии особых лексем *апак* — ‘тесть, отец жены’, *ахмалк*”, ВС *ахмалн*” — ‘то же’ (различия не определены) — наименование для тётчи отсутствует и в этой функции используется термин *ытик*, ВС *аттик*, *ачк*, *ач’им* — ‘тёща’, имеющий и иные значения (см. выше). Таким же синкретическим оказывается и термин *нанак, нана* — ‘свекровь’, ‘старшая сестра’, ‘сестра отца’. Какое из значений является более архаичным, а какое более поздним — исходя их общих соображений, согласно которым ТР могут смешаться в составе терминов свойства, но едва ли возможно обратное, вероятнее всего, значение ‘тёща’ у лексемы *нанак* вторично. Равным образом пока трудно разобраться в наличии некоторых дублетных ТР, к тому же, согласно зафиксировавшим их источникам, обладающих многозначностью.

В словарных материалах по нивхскому языку не отмечены специальные термины для братьев и сестёр мужа, а также для сестёр жены, но для старшего и младшего братьев жены фикси-

руются составные наименования с лексемами, используемыми для обозначения старшего и младшего братьев, — данные наименования являются описательными. Обращает на себя внимание отсутствие терминов для обозначения родителей супругов по отношению друг к другу, возможно, эти наименования поглощены именованием соответствующих родов в том родовом союзе, о котором писал В.Р. Кабо: «Л.Я. Штернбергом установлено, что экзогамия — один из главных признаков нивхского рода. Брак внутри рода был безусловно запрещен. Нивхское общество представляло собой прочную конструкцию, состоявшую из отдельных родов, которые были связаны взаимными обязательствами. Каждый род брал женщин из одного определенного рода и, в свою очередь, отдавал своих женщин в другой, тоже точно определенный род. По отношению к одному роду он являлся *ымхи*, т.е. родом зятьев, по отношению к другому — *ахмалк*, т.е. родом тестей. Обязательства, связывавшие членов различных родов, не ограничивались сферой семейно-брачных норм, они распространялись на обширную область многообразных социальных отношений, в этом-то и состояло их значение как системы связей, цементирующих общество.

В соответствии с традицией мужчины брали жен не из того рода, куда их род отдавал в жены своих женщин, а из третьего, и таким образом каждый род оказывался связанным узами брака по крайней мере с двумя родами. Однако в конце XIX — начале XX в. браки на основе трехродовых союзов у нивхов уже почти не заключались, а практиковались взаимные браки между двумя родами» [Кабо 1981]. В русско-нивхском словаре слово «сват» переведено на нивхский язык как *умгу һ,егуйн* ”ыр тохт утку — «человек, занимающийся сватовством» [РНС: 380].

Яркой особенностью нивхской СТР, причем такой особенностью, которая может быть обнаружена только в наши дни и, пожалуй, только при лингвистическом анализе, является довольно регулярная соотношенность вокативных ТР с референтивными, а что касается терминов свойства, то в их составе вокативы практически отсутствуют и отмечаются только для тех терминов, которые функционируют и как ТР. И здесь нельзя не отметить, что, по существу, в большинстве случаев терминология, отражающая первичные СР, фиксируется исследователями на уровне вокативов, т.е. в ходе сбора материала исследователь записывает, как информант-эго *называет* тех или иных родствен-

ников, а отнюдь не то, как они называются в языке. В данном случае мы далеки от того, чтобы думать, будто Л.Я. Штернберг ошибся или не записал какие-то референтивные ТР. Скорее мы имеем дело с каким-то иным феноменом СТР, которая формируется на основе вокативных форм или «подстраивается» под инвентарь вокативных форм. Определённым основанием для данного предположения является то, что далеко не все классы родства нивхской СР являются функционально значимыми для эго и далеко не каждое из противопоставлений классов родства может реализоваться на социальном уровне. Иными словами, вокативный термин для отца распространяется на всех родственников, принадлежащих к одной возрастной категории с отцом, вокативный термин для матери — на всех родственников, принадлежащих к одной возрастной категории с матерью.

Распространение терминов со значениями «муж» и «жена» имеет место только в пределах одного поколения, поколения эго, хотя и имеет гендерную асимметрию в отношении возраста: для мужчины термин «жена» распространяется на жен старших братьев, для женщины термин «муж» — на младших братьев мужа. Но и тут, даже с учетом дозволенности связей между лицами названных категорий, данное наименование может иметь чисто вокативную природу, если принять во внимание, что при трёхродовом союзе, характерном в прошлом для нивхов, «мужья» и «жены» принадлежали для эго к одному и тому же роду, и эта ситуация коренным образом отлична, например, от тунгусской экзогамии, где жены братьев могли принадлежать и к разным родам.

Реконструкция архетипов нивхских ТР и поиски параллелей для них в других языках являются задачей, смежной с описанием нивхской СТР, и, как представляется, именно возможные и обнаруживаемые ниже параллели могут прояснить некоторые особенности СТР нивхов и в плане ее состава, и в плане ее системных отношений.

Соответствие АМ *атак* ВС *атькитъх*, обозначающего старшего родственника мужского пола, указывает на архетип *ата ~ *ати — выбрать одну форму из двух не позволяют не вполне регулярные соотношения диалектных слов.

Соответствие АМ *ытик* ВС *аттик*, *ачк*, *ач'им* — названия старшей родственницы женского пола — указывает на архетип *ижи или *эжи [Бурыкин 1989], что более вероятно, исходя

из инвентаря ТР алтайских языков. Именно этот тип соответствия между двумя диалектами нивхского языка в свое время ввел в заблуждение Е.А. Крейновича, посчитавшего, что восточносахалинский диалект архаичнее амурского: в отношении структуры слова это было, безусловно, так, но в отношении целого ряда соответствий (в том числе соответствия амурских среднеязычных согласных восточносахалинским переднеязычным) восточносахалинские факты не позволяют ориентировать на них реконструкцию. В нивхском языке в структурах CVCV, сохраняющихся из архаического состояния, и в современном языке в интервокальном положении могут находиться только щелевые согласные. Если в корне слова со структурой CVCV находится смычный, это означает, что либо перед этим смычным выпал предшествующий ему сонант [Бурыкин 1987а], либо слово с такой фонетической структурой является заимствованием. Но пока трудно ответить на вопрос, могли ли данные ТР быть заимствованы нивхами у кого-либо, тем более что для второго термина более вероятным оказывается монгольский, нежели тунгусо-маньчжурский, источник.

Архетип слов *ытык*, ВС *ытк* — ‘отец’ — должен иметь вид *этэ, архетип слов *ымык*, ВС *ымк* — ‘мать’ — *эмэ. Первый из данной пары примеров опять-таки показывает интервокальный смычный и наводит на размышление о возможном заимствовании этого слова из тунгусо-маньчжурских языков, второй пример просто совпадает с известными тунгусо-маньчжурскими и алтайскими формами слова «женщина» и образованных на его основе ТР.

Архетип слов *ыкын*, ВС *акад*, *аканд* — ‘старший брат’ восстанавливается как **ики-* или **экэ-*, что сходно с тунгусо-маньчжурским термином для старшего брата *акин* и тождественно с ним по семантике. Айнское *ak'i* (*ak'ihī*, *ak'i ut'ara*) — ‘младший брат’, кажется, могло повлиять на форму данного ТР в восточносахалинском диалекте нивхского языка. Оставляя пока без внимания различающиеся наименования сестры, отметим, что наименование младшего сиблинга — АМ *атмик*, *аск* (устар.), ВС *аскад*, *аск'анд* — ‘младший брат, младшая сестра’ восстанавливается как **ачи-*. Подведение его под тюркский архетип *еже [Севортян 1974: 231 и след.] будет вполне логичным. Тем более что данный термин обозначает как мужчин, так и женщин, хотя только в редких случаях используется для име-

нования родственников одного поколения с эго и потомков по нисходящей линии, однако в указанной статье отмечено употребление тюркского *еже как вокатива. Интригует и гендерный синкретизм нивхского термина на тюркском фоне, о котором уже сказано.

Соответствия гласных в названии ребенка — АМ *оһ,ла*, ВС *эһ,лн*” — являются нерегулярными, однако же очевидно сходство амурской формы *оһ,ла* с соответствующим тюркским термином *oglan, ogul* — ‘ребенок, мальчик, сын’ [ДТС 1969: 363, 364; Севортян 1974: 414–417].

Термины *анак* и *атак*, обозначающие сиблинга родительницы, как представляется, имеют корни *ана и *ата и оказываются сходными с соответствующими корнями алтайских ТР, с той же самой нюансировкой [Севортян 1974: 54 и след., 200 и след.], либо в них следует предполагать согласный, который выпадает перед сохраняющим свое качество интервокальным смычным *n* и *m*, либо данные ТР являются в нивхском языке заимствованными. Первое предположение, несмотря на логичность, оказывается уязвимым: мы почти не наблюдаем в данном регионе ТР с фонологической структурой CVCCV, а для архаического нивхского языка именно такая структура должна не просто существовать, но доминировать среди ТР. Впрочем, здесь можно указать и на эскимосские ТР *ана* — ‘дед’ и *ата* — ‘отец’, *на* — ‘мать’, последнее может быть соотносительно с нивх. *нанак*.

Нивхский термин *рув*, *рувнг*, обозначающий родственников по боковой линии или потомков сиблингов без различения пола, не имеет аналогий в тунгусо-маньчжурских или иных алтайских языках и, казалось бы, как по форме, так и по семантике должен подчеркивать эксклюзивность нивхского языка в регионе. Мы полагаем, что представления об эксклюзивном характере и изолированности нивхского языка доживают последние дни — более чем вероятно, что данный нивхский термин заимствован из айнского языка: ср. айнское *ur'ivaxne* — ‘родственный, родной по братьям или сестрам; близкородственный’. Отпадение начальных гласных является характерной особенностью нивхского языка: ср. нивхское название Амура — *Ла* < маньчж. *ула* — ‘река’, нивхское название Сахалина — *Лырмиф*, *Лермиф* < чукот. *илир* — ‘остров’, нивх. *рал* — ‘лягушка’ и орок. *удала* — ‘лягушка’.

Термины для супруга и супруги из амурского диалекта нивхского языка В.И. Цинциус отождествляла с восстанавливаемы-

ми ею корнями *этэ- для обозначения родственника мужского пола и *эмэ- для обозначения женщины [Цинциус 1972]. Согласно нашей реконструкции, форма *утку* попадает в разряд тунгусо-маньчжурских или алтайских заимствований в нивхском языке, поскольку сочетание согласных *-тк-* в ней явно вторично (компонент *-ку*, очевидно, является архаичным показателем множественности), а бывшее интервокальное положение смычного *-т-* заставляет задуматься о причинах, по которым он избежал спирантизации, — наиболее вероятной причиной тут оказывается заимствованный характер слова в нивхском языке.

Наименования для супруга потомка мужского и женского пола, т.е. зятя и невестки, не имеют явных параллелей в языках, соседствующих с нивхским или контактировавших с ним ранее. Впрочем, для нивх. *окон* — ‘зять’ можно усматривать какую-то связь с эскимос. *укак* — ‘невестка’ (без различия возраста коннектора и поколения коннектора: для нивхского ТР эти параметры неясны); переход *у>о* для нивхского языка закономерен, а сохранение смычного между гласными опять же указывает на заимствованный характер слова. Нивх. *оро* — ‘зять’ сравнимо с айн. *уру/ури* — ‘человек’ [Добровторский 1876: 376]. Нивх. *эпр* — ‘невестка’, возможно, имеет общий корень с чукот. *умирит* — ‘сват’, что приемлемо, исходя из эволюции фонетических структур слова в нивхском языке, хотя неясность морфологической структуры чукотского слова (возможно, что оно содержит показатель собирательности–множественности *-т*, материально совпадающий с грамматическим показателем множественного числа в чукотском языке) не позволяет оценивать сближение как строго доказанное. Ср. также айн. *им'уре* — ‘родственная пара разного пола (муж и жена, сын и дочь)’.

Нивхское наименование отца супруги — *ахмалк*, ВС *ах-малн* — ‘тесть по отношению к одному сородичу и всему роду’, как можно думать, состоит из корня *ак-* со значением ‘старший родственник’ и чукотского ТР *матальын* — ‘отец жены, тесть’, ‘отец мужа, свёкор’, в котором произошло упрощение групп согласных.

Термин *ынги*, ВС *анги* — ‘жена’, используемый также для обозначения жён старших братьев эго и восстанавливаемый как *ынги или *энги, сопоставим с др.-тюрк. *jengä* — ‘жена старшего брата или дяди’ [ДТС 1969: 256; Севортьян 1989: 189 и след.]. Он сходен и с чукот. *ынтэ*, *ынтыё* — ‘жена сына, жена стар-

шего или младшего брата’, но при этом мы встречаемся с той же самой неясностью морфологического состава чукотского слова. Возможно, хотя и маловероятно, что нивхский термин *ёхо* — ‘невестка’ является какой-то уклоняющейся формой того же термина (если они оба или хотя бы один из них окажутся заимствованиями из алтайских языков), подобно тому что мы предполагаем для якут. *дьахтар* — ‘жена’, тюркского по происхождению, но негомогенного для якутского языка по нормам исторической фонетики.

Термины восточносахалинского диалекта нивхского языка *азмыть* — ‘мужчина’ и *риан”к* — ‘женщина’ вполне выводимы из айнского языка: ср. айн. *ача* — ‘дядя’, *ачану* — ‘отец’ [Добротворский 1876: 33] и *миция*, *мичи* — ‘отец’ [Добротворский 1876: 171], при *мичибо* — ‘внук’, и *турес* — ‘младшая сестра’ [Добротворский 1876: 352], с компонентом — именным суффиксом *-anak* [Bachelor 1905: 30] или, возможно, сравнимы айн. *upereke*, *opereke* — ‘маленькая девочка’ [Bachelor 1905: 481].

Попытаемся подвести итоги. СТР нивхов, рассматривавшаяся практически как образцовая классификационная СР, обнаружила ряд признаков, согласно которым «классификационность» данной системы и, вероятно, многих аналогичных систем связана с особым поведением вокативных ТР, которые либо не отличаются от референтивных, либо являются их источником.

СТР нивхов как лексическая группа генетически изолированного языка при сравнении реконструкций архетипов ТР нивхов с ТР соседствующих с ним языками оказалась составленной из двух компонентов, ни один из которых не является исконным в нивхском языке на протяжении той истории, какую мы можем проследить по данным междиалектной реконструкции и внешнего сравнения нивхского и тунгусо-маньчжурских языков. Большая часть нивхских ТР выглядит как заимствования из тунгусо-маньчжурских языков и частично из тюркских (в ряде случаев источник ТР установить невозможно). Несколько меньшая часть ТР, в основном термины свойства, с определенностью заимствована нивхами у айнов. Возможно, в какой-то степени на СТР нивхов повлиял и чукотско-корякский и эскалеутский субстрат, отмечающийся в нивхском языке.

Таким образом, анализ СТР нивхов подтверждает сформировавшееся мнение относительно происхождения нивхов и нивхского языка. То, что нивхский язык не только входит в алтайскую семью, но, видимо, является рано отделившейся ветвью

тунгусо-маньчжурских языков, подтверждается данными реконструкции архаического состояния нивхского языка, проверенными еще раз на материале ТР. То, что ТР нивхов похожи на вторичные заимствования из тунгусских языков, может свидетельствовать о вторичных контактах нивхов с носителями тунгусских языков на протяжении последнего тысячелетия — уже после основных изменений структуры слова в нивхском языке, но еще до разделения амурского и восточносахалинского диалектов. Явные заимствования в нивхской СТР приходятся на термины свойства и некоторые второстепенные ТР, возможно, поддерживаемые некогда межэтническими брачными связями. Источником этих заимствований должны быть чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские языки и айнский язык, заимствования из которых присутствуют и в других группах лексики нивхского языка. Таким образом, лингвистический материал успешно подтверждает тезис М.Г. Левина и мы имеем достаточные основания рассматривать нивхов как промежуточное звено между тунгусо-маньчжурами и айнами.

Бурыкин 1987а — *Бурыкин А.А.* Происхождение чередований начальных согласных в нивхском языке // *Языки Сибири и Монголии.* Новосибирск, 1987. С. 185–190.

Бурыкин 1987б — *Бурыкин А.А.* Тунгусо-маньчжуро-нивхские лексические параллели и история нивхского вокализма // *Лингвистические исследования 1987. Общие и специальные вопросы языковой типологии.* М., 1987. С. 46–54.

Бурыкин 1988 — *Бурыкин А.А.* Тунгусо-маньчжуро-нивхские связи и проблема генетической принадлежности нивхского языка // *Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера: межвуз. сб. науч. тр.* Л., 1988. С. 136–150.

Бурыкин 1989 — *Бурыкин А.А.* Тунгусо-маньчжуро-нивхские лексические параллели и история нивхского вокализма. II // *Лингвистические исследования 1989. Структура языка и его эволюция.* М., 1989. С. 45–49.

Бурыкин 2005 — *Бурыкин А.А.* Названия металлов в нивхском языке // *Кюнеровские чтения (2001–2004): крат. содерж. докл.* СПб., 2005. С. 177–185.

Василевич 1969 — *Василевич Г.М.* Эвенки. Л., 1969.

Добротворский 1876 — *Добротворский М.М.* Айнско-русский словарь. Казань, 1876.

ДТС — *Древнетюркский словарь.* Л., 1969.

Кабо 1981 — *Кабо В.Р.* Община и род у нивхов // *Пути развития Австралии и Океании.* М.: Наука, 1981. С. 198–219.

Косарев — *Косарев В.Д.* Айнско-русский словарь. URL: krafto.narod.ru/Titul.htm, <http://kosarev.press.md/ai-in0.htm>.

Крейнович 1955 — *Крейнович Е.А.* Гиляцко-тунгусо-маньчжурские параллели // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1955. № 8. С. 135–167.

Крейнович 1973а — *Крейнович Е.А.* О пережитках группового брака у нивхов // СНВ. М., 1973. Вып. 15. С. 224–233.

Крейнович 1973б — *Крейнович Е.А.* Нивхгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973.

Крейнович 1979 — *Крейнович Е.А.* К истории заселения Охотского побережья: (По данным языка и фольклора эвенских селений Армань и Ола) // СНВ. М., 1979. Вып. 20. С. 186–201.

Левин 1958 — *Левин М.Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.

Мудрак 2000 — *Мудрак О.А.* Юкагиры и нивхи (проблема палеоазиатов) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. М., 2000. С. 133–148.

НРС — *Савельева В.Н., Таксами Ч.М.* Нивхско-русский словарь. М., 1970.

Отаина 1976 — *Отаина Г.А.* Лексические особенности восточно-сахалинского диалекта нивхского языка // Лингвистические исследования 1976. Вопросы лексикологии лексикографии и прикладной лингвистики. М., 1976. С. 161–172.

Панфилов 1973 — *Панфилов В.З.* Нивхско-алтайские языковые связи // ВЯ. 1973. № 1.

Певнов 1992 — *Певнов А.М.* Нивхский и тунгусо-маньчжурский языки: проблемы контактов // Б.О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина: материалы Междунар. науч. конф., 31 октября — 2 ноября 1991 г., Южно-Сахалинск. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 2.

Пейрос, Старостин 1986 — *Пейрос И.И., Старостин С.А.* О тонах нивхского языка // Палеоазиатские языки. Л., 1986. С. 213–218.

Пухта 2002 — *Пухта М.Н.* Русско-нивхский разговорник и нивхско-русский тематический словарь (амурский диалект): учеб. пособие для начальной и средней школы. СПб.: Дрофа, 2002.

РНС — *Савельева В.Н., Таксами Ч.М.* Русско-нивхский словарь. М., 1965.

Санги, Гашилова 2002 — *Санги В.М., Гашилова Л.Б.* Нивхско-русский словарь (сахалинский диалект). СПб., 2002.

Севортян 1974 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.

Севортян 1989 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на «Ж», «Ж», «Й». М., 1989.

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975–1977. Т. 1–2.

Таксами 1983 — *Таксами Ч.М.* Словарь нивхско-русский и русско-нивхский. Л., 1983.

Цинциус 1972 — *Цинциус В.И.* Вопросы этимологии алтайских терминов родства // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.

Цинциус 1974 — *Цинциус В.И.* О роли сопоставительной типологической характеристики отдельных уровней языковой структуры при решении вопроса — является ли связь между языками ареальной или генетической (по материалам языков тунгусо-маньчжурских и нивхского) // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М., 1974. С. 82–85.

Цинциус 1983 — *Цинциус В.И.* О роли сопоставительной типологической характеристики отдельных уровней языковой структуры при решении вопроса — является ли связь между языками ареальной или генетической (по материалам языков тунгусо-маньчжурских и нивхского) // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М., 1983. С. 92–102.

Цинциус 1984 — *Цинциус В.И.* Этимологии алтайских лексем с анлаутными придыхательными смычными губно-губными звуками // Алтайские этимологии. М., 1984. С. 17–130.

Штернберг 1893 — *Штернберг Л.Я.* Сахалинские гиляки // ЭО. 1893. № 2. С. 1–46.

Штернберг 1905 — *Штернберг Л.Я.* Гиляки // Отд. отд. из журнала «ЭО». М., 1905. Кн. 60, 61, 63.

Штернберг 1933 — *Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Сборник статей и материалов. Хабаровск, 1933.

Штернберг 1935 — *Штернберг Л.Я.* Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1935.

Энгельс 1969 — *Энгельс Ф.* Вновь открытый пример группового брака // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1969. Т. 22. С. 377–381.

Austerlitz 1956 — *Austerlitz R.* Gilyak Nursery Words // Word. 1956. Vol. 12. № 1. P. 260–279.

Bachelor 1905 — *Bachelor J.* An Ainu-English-Japanese Dictionary — including a Grammar of the Ainu Language. Tokyo, 1905.

Black 1972 — *Black L.T.* Relative Status of Wife Givers and Wife Takers in Gilyak Society // *American Anthropologist*. 1972. Vol. 74. № 5. P. 1244–1248.